

Лотяну Эмил, поэт, драматург и кинорежиссер. Автор нескольких поэтических сборников, изданных в Кишиневе и Москве.

В 1961 г. окончил режиссерский факультет ВГИКа. Дебютировал в кино приключенческим фильмом «Ждите нас на рассвете» (сценарий написан совместно с И. Прутом). Следующие картины — лирическая киноповесть «Красные поляны» и героическая драма «Это мгновение» — поставлены по его собственным сценариям. Последний фильм Лотяну «Лаутары» на XX Международном кинофестивале в Сан-Себастьяне был удостоен приза жюри «Серебряная раковина» и двух национальных премий.

1. В основе кино было и остается изображение. Телевизионный квадрат может вместить острую и волнующую информацию: ведь телекамера — это око, информирующее о событиях в мире. Но телепередача, пусть даже цветная, из Эрмитажа или из Лувра не сможет никогда привести нас в то состояние, которое мы ощущим, увидев на большом экране полотна Рембрандта или Врубеля.

В тот момент, когда мы сводим функцию изображения к острым сюжетам, когда мы, вручив зрителю увеличительное стекло Шерлока Холмса, ведем его по следам очередного детективного действия, мы должны понять, что не используем огромных реальных возможностей кино как искусства. Но если мы вспомним историю любви, про-

слеженную Чухраем и Урусевским в фильме «Сорок первый», в нашей памяти отыщется голос песков, ласковая синева южного неба, беспокойное, мятущееся море, резкий блеск глаз женщины, переступившей на один миг грань между любовью и долгом.

Вот такое кино мне дорого. Я верю, что когда-нибудь извлеченная из бетонных подвалов кинотеки коробка пленки сохранит не просто зрелище, развлекавшее моих современников, а историю их прекрасных душ, их радостей и страданий вплоть до микронных подробностей — до всего того, что умеют передавать творения классического искусства.

3. Я думаю, что искусство призвано внушать человеку непоколебимый оптимизм. Нет ничего более достойного осуждения, чем пробуждение жестокости, вкуса к насилию и варварству. Молниеносность жеста спущенного курка стала на мировом экране печальной действительностью. Вы даже не ощущаете ужаса происходящего убийства. Давно уже в ordinariaм буржуазном искусстве нет грусти по уничтоженному человеку. Зато есть виртуозный механизм уничтожения человека, стирания всех человеческих качеств, постепенной замены челове-

ка манекеном под условным номером или именем. Если к этому добавить культ порнографии, то не очень широкий диапазон спекулятивных средств может на определенное время привлечь определенное количество зрителей. Сегодня в западном кино можно наблюдать катастрофические результаты этого процесса. «Произведения», катализирующие или являющиеся катализаторами насилия, представляют собой уголовное деяние. К счастью, на всех широтах земного шара существуют честные художники, активно отвергающие кинодурман.

4. Говорят, что мировой кинематограф переживает сейчас пору увлечения «политическим фильмом». Усиление внимания к определенным жанрам иногда обобщается модой. Мне кажется, что политические фильмы существуют с тех самых пор, как кино ощутило в себе способность и умение бороться за политические идеалы. Мне пришлось видеть ловкую подмену ординарного кинобейвика политическим кинобейвиком. Наличие острого сюжета и множества щеко-котливых подробностей заставляло зрителей с затаенным дыханием следить за происходящим на экране. Но, думаю, мне, подобно зрелищу не имеет

ничего общего с настоящими произведениями политического кино. Очевидно, интерес к политическим фильмам обусловлен другими фактами: все большее число людей осознает необходимость включиться в социальную борьбу.

6. Трудно себе представить, чтобы вялый литературный материал описательного характера смог вдохновить кинотворца.

Ведь автор фильма обязан рассказать литературное произведение со всей влюбленностью в это произведение. Это и будет не формальное, а истинное родство кино и литературы — родство по духу, по безупречной форме, по стилистике. Разумеется, родится иная архитектура, но столь же гармоничная и стройная.

Мне всегда делается не по себе от множества рекомендаций писателю, как ему овладеть пресловутой спецификой кино. А я думаю, надо просто быть «внутри» кино, изнутри рассматривать его, писать для него. Специфика сложится в самом видении талантливым оком реальных возможностей кинорассказа.лично мне кажется, что повесть Э. Казакевича «Звезда», не убирав из нее ни единой запятой, может считаться образцом блистательно написанного киносценария.

7. Современный герой для меня — человек, которого я знаю, люблю и которому вверяю все лучшее, что есть у меня самого. Он нежный и преданный друг всех нежных и преданных людей на свете. Он никогда не стоял на коленях, кроме как перед могилой погибшего товарища по борьбе. И если волею судеб мой герой родился в Молдавии, это значит, что Молдавия на земном шаре для него та точка, с которой он двинулся в путь и к которой он вернется, чтобы влиться в музыку, в легенды, в леса, в зодчество сильных рук своих соотечественников.

Я склонен думать, что одна из потрясающих способностей человека, данных ему с рождения природой, — это возможность увидеть поэзию мира, ощутить ее в себе и суметь выразить ее для других.

8. «Кино для масс или для элиты?» В зрительном зале всегда есть определенная часть аудитории, ощущающая родство с тем, что происходит на экране. Я научился разгадывать молчание этих людей, их взволнованное дыхание или шепот недоумения. Вот эта аудитория и есть для меня элита.

9. Естественно.

КИШИНЕВ

Сент. газ. 1973 г. май, 118